

Наша история

«Утаенная любовь» Пушкина

Владимир КОЗАРОВЕЦКИЙ

Среди пушкинских тайн и головоломок две загадки давно привлекают внимание пушкинистов больше остальных: «утаенная любовь», упомянутая в черновом варианте вступления к «Полтаве», и тайна 10-й главы «Евгения Онегина». О 10-й главе — разговор отдельный; что же до «утаенной любви», то интерес к ней понятен и усилен тем, что у Пушкина есть ведь так называемый «донжуанский список», а над загадкой бьются до сих пор, хотя и написаны о ней тома. Александр Лацис по этому поводу предположил, что ищут не там и что под «утаенной любовью» Пушкин имел в виду свободу, но с этим трудно, невозможно согласиться, настолько постоянно и открыто, во всех нюансах поэт говорил о своей любви к свободе. Между тем, как мне кажется, сам Лацис был в двух шагах от разгадки, только он прошел мимо нее в собственной работе.

Вот цитата из большого стихотворения «Романс», под которым Пушкин поставил дату «1814», являющуюся явной мистификацией:

*Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод
любви несчастной
Держала в трепетных руках.*

*Дадут покров тебе чужие
И скажут:*

*«Ты для нас чужой!» —
Ты спросишь:
«Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.*

*Быть может, сирота улылый,
Узнаешь, обоймешь отца.
Увы! Где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?*

Но что сказала я?

*Быть может,
Виновную
ты встретишь мать.
Твой скорбный взор
меня тревожит!*

Возможно ль сына не узнать?

Уровень, психологическая проникновенность этого стихотворения Пушкина, проникнутого чувством ответственности за судьбу ребенка, позволила Лацису отнести его примерно к 1818–1819 году и адресовать его роману Пушкина с польской Анжеликой Дембинской, пришедшему на 1817 год. Это о ней писал Пушкин в своих воспоминаниях о Пушкине: «Случалось, зайдет он ко мне. Вместо: «Здравствуй», я его спрашиваю: «От нее ко мне или от меня к ней?» Уж и это надо вам объяснить, если пустился болтать. В моем соседстве, на Мойке, жила Анжелика — прелесть полька!.. На прочее — завеса». Лацис вполне обоснованно выводит, что под «прочим» Пушкин подразумевал родившееся дитя и что это был сын. Далее Лацис прослеживает судьбу потомков Пушкина вплоть до Троцкого — но меня пока в этой истории интересует другое.

Причиной мистифицирующего изменения даты стихотворения было, конечно же, рождение ребенка: в XIX веке открыто говорить о незаконнорожденных детях было не принято, и Пушкин, даже написав стихотворение, сделал все от него зависящее, чтобы тайна не была раскрыта. В «донжуанском списке» Пушкина, где он перечислил свои любви, относительно немного имен: 15 — в первой части и 22 — во второй. Если это сопоставить с его фразой, что Наталья Николаевна — «сто тринадцатая любовь», то можно сделать вывод, что он имел в виду «сто тринадцатая женщина», а в этот список поместил только тех женщин, которые оставили серьезный след в его душе. Судя по тону и содержанию стихотворения, Анжелика Дембинская должна была оказаться в этом списке. Все имена в списке даны без фамилий и в силу их обычности по большей части допускали возможность неоднозначного толкования, кто назван под тем или иным именем. Поскольку Анжелика — имя чрезвычайно редкое и сразу давало ключ к узнаванию (что было недопустимо из-за рождения ребенка), Пушкин его и не назвал. Казалось бы, справедливое рассуждение, но... не похоже на Пушкина. Он должен был что-нибудь придумать, и если уж и утаивать свою любовь, то по-пушкински, зашифровав ее.

«Донжуанский список» составлен хронологически, по годам, и потому все имена в нем пушкинистами давно разгаданы. Роман с Анжеликой Дембинской по времени (август 1817) приходится на промежуток между «Катериной II» (июнь 1817) и «Кн. Авдотией» (осень-зима 1817). «Катерина II» обозначает Екатерину Андреевну Карамзину, которой был сильно увлечен Пушкин: 8 июня 1817 года он пишет ей признание в любви, она передает письмо мужу, за этим последовали объяснение поэта с Карамзиным и слезы Пушкина. Имя «Кн. Авдотия» обозначает княгиню Евдокию Ивановну Голицыну, увлечение которой приходится на тот же год (он знакомится с ней в сентябре, а 24 декабря Карамзин пишет Вяземскому в Варшаву, что Пушкин «смертельно влюбился в Пифию Голицыну, у которой проводит вечера»). Судя по включению в список Карамзиной и Голицыной, Пушкин «считал» и те любви, которые не обязательно сопровождалась физической близостью: он имел в виду прежде всего чувство. И вот на промежуток между этими двумя увлечениями и приходится любовная связь Пушкина и Анжелики.

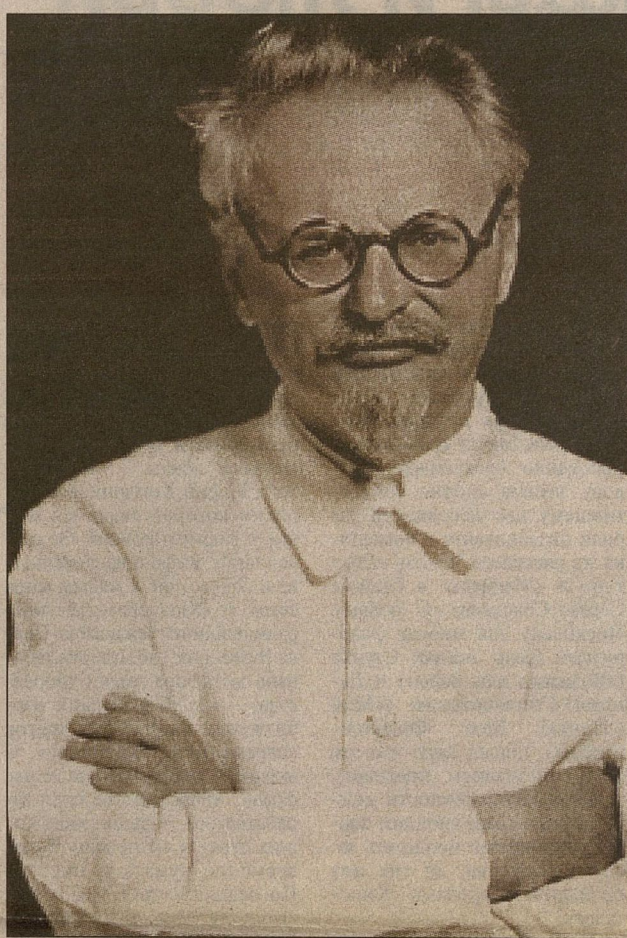
Но в списке между «Катериной II» и «Кн. Авдотией» стоит только одно имя под инициалами «N.N.», разгадка которого пока не существует (о нем так и пишут, что

это самое трудное для разгадки имя). Это не могут быть инициалы имени и фамилии, поскольку все остальные имена даны без фамилий; следовательно, это общепринятое обозначение скрытого имени. Напрашивается вывод, что это и есть «утаенная любовь» Пушкина, Анжелика Дембинская; причиной ее утаивания было рождение сына, судьбой которого он интересовался и которого пытался повидать.

Немедленно возникает вопрос: почему это до сих пор не пришло в голову пушкинистам? Ведь для ответа достаточно просто заглянуть в «Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина» М.Цявловского: никаких других женщин в жизни Пушкина в этот период не было. Ну я понимаю, почему не заметил этого простого решения Лацис: его мысль настолько безоглядно работала в ином направлении, что на остальные широты взгляда не хватило (уверен, что будь я на его месте, я поступил бы точно так же, тоже сосредоточившись в направлении Троцкого). А другие? Как мне кажется, причиной этому — ошибка, которая допущена в «Летописи» Цявловского: приводя — видимо, по памяти — в комментарии к взаимоотношениям Пушкина и Анжелики цитату из воспоминаний Пушкина, он не только смешал разные эпизоды и ввел детали, которых в этом месте воспоминаний Пушкина не было, но еще и в авторстве и адресате вопроса «От нее ко мне или от меня к ней?» поменял Пушкина и Пушкина местами, что совершенно изменило смысл происшедшего в жизни. Вот что написано в «Летописи»: «Раз, зайдя к Пушкину и не застав его дома, Пушкин оставляет на столе лист бумаги со своим рисунком, изображающим их общую знакомую польку Анжелику, с надписью: «От нее ко мне или от меня к ней?». Рисунок не сохранился». Редактор и корректор тома эту ошибку не заметили, пропустили; между тем «Летопись» — настольный справочник любого пушкиниста.

Предвижу возражение. Окончательный текст посвящения к «Полтаве» и есть стихотворение, обращенное к «утаенной любви»: «Да неужто же эти стихи написаны незнатной польке, продавщице билетов «передвижного» зоопарка через 10 с лишним лет после этой короткой любовной связи?» — спросят меня.

Ну, что ж, можно остановиться и на том, чтобы с этого момента считать разгаданными инициалы «N.N.» в «донжуанском списке» Пушкина и принять мое замечание об исправлении указанного места в «Летописи». Но есть в посвящении к «Полтаве» места, которые при внимательном чтении заставляют задуматься.

Ряд совпадений указывает на то, что Троцкий, возможно, был потомком польки Анжелики Дембинской, «утаенной любви» Пушкина

*Посвящение
Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?
Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.*

Если это посвящение женщине, то полагаю, что под «музой темной» подразумевается сокрытие, шифровка и что ключ — в строке «Коснется ль уха твоего?», из которой следует, что в момент написания посвящения эта женщина находилась не там, где стихи Пушкина были широко известны. Между тем к концу 1828 года, когда было написано это стихотворение, Пушкин был общепризнанным национальным гением. Каждое его новое произведение — тем более поэма «Полтава» — читалось всеми хоть сколько-нибудь грамотными людьми, и «посвящение поэта» могло не стать ей известным — остаться неизвестным, «непризнанным» ею, — как «некогда» осталось для нее неизвестным стихотворение о любви к ней (а не сама любовь), только в том случае, если ее уже не было в России.

Предвижу и следующее возражение: все это притянuto за уши, и связь между этими двумя стихотворениями никакой нет, а стихотворение по-

священо какой-нибудь женщине, поехавшей с декабристами в Сибирь, — например, Марии Волконской — и именно поэтому могло быть «непризнанным».

Но в таком случае при чем тут «Полтава»? В ответе на этот вопрос и содержится объяснение тайны посвящения к поэме и его связь со стихотворением «Романс».

В 1822 году Пушкин просит Бенкендорфа отпустить его в поездку в Европу — ему отказывают; точно так же отказывают ему и в путешествии в Китай. Тогда он просится в Малороссию:

«Если Николай Раевский проследует в Полтаву, покорнейше прошу Ваше Высочайшее превосходительство позволить мне его там навестить».

«Чего не хватает в этом письме? — задавался в свое время вопросом Лацис и отвечал: — Пояснения. С чего вдруг — в Полтаву, и почему просьба условная, в зависимости от того, будет ли там Николай Раевский? И какая необходимость поведаться с Николаем Николаевичем-младшим, с которым в недавние дни путешествия в Арзрум Пушкин две или три недели прожил в одной палатке?»

Пушкин в письме Бенкендорфу явно подразумевает что-то, известное им обоим — и это действительно так, поскольку если адъютант Бенкендорфа Леонтий Дубельт еще не поставил своего шефа в известность о «тесной связи» между Раевскими и Пушкиным, то теперь это письмо прокомментирует: Пушкин собирается навестить своего

сына. Сын находится где-то недалеко от Полтавы, а где именно — Пушкин не знает и думает, что без Николая Раевского, который по его просьбе и пристраивал младенца, может не отыскать. А Дубельт как минимум присутствовал при крещении сына Пушкина и Анжелики Дембинской, поскольку был тогда адъютантом генерала Раевского. Эта информированность Дубельта о судьбе сына Пушкина подтверждается и его письмом к Раевскому-младшему от 1 мая 1834 года:

«Посылаю вам паспорт для вашего Дембинского (выделено мной. — В.К.) и прошу вас возвратить мне тот паспорт, который был ему выдан с.-петербургским Генерал-Губернатором. По истечении же годичного срока пришлите мне и прилагаемый паспорт для перемены оного...»

Ваш друг душою и сердцем Л.Дубельт»

Вот почему именно к «Полтаве» написал такое посвящение поэт, у которого само это название неминуемо вызвало мысли о сыне и о его матери.

А теперь можно с помощью Лациса проследить и ниточку, ведущую к знаменитому потомку Пушкина.

В сентябре 1820 года Пушкин в письме к брату Льву пишет (речь идет о сыне генерала Раевского Николае Николаевиче Раевском-младшем):

«Ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги, для меня вечно незабвенные.»

Мальчик родился — судя по времени романа с Анжеликой — не ранее мая 1818 года и был отправлен под Полтаву, в имение Раевских, там при крещении получил имя Леонтий. Воспитываясь под наблюдением доверенного человека семьи Раевских француза Фурнье, прекрасно изучил его родной язык и перед смертью читал старому генералу по-французски. После смерти генерала в имение вернулась его вдова; с одной из ее кузин, урожденной Бороздиной, у сына Пушкина была связь. Ребенок — тоже незаконнорожденный — был отдан на воспитание в надежную, непьющую (еврейскую) семью и стал Давидом Леонтьевичем Бронштейном; старшего сына Давида Леонтьевича назвали Александр, другого сына — Лев, а сестру — Ольгой. Когда в 1918 году к Льву Давидовичу Троцкому пришли за защитой от большевиков бундовцы, Троцкий, понимая, почему они пришли именно к нему, сказал им: «Передайте тем, кто вас послал, что я не еврей.» Эту фразу до сих пор понимают в том смысле, что Троцкий был интернационалистом и национальностью для него не существовало; между тем его слова следует понимать в прямом смысле. А я, пользуясь случаем, приношу свои искренние соболезнования как тем, кто гордился еврейским происхождением Троцкого, так и тем, кто за то же самое Троцкого ненавидел.